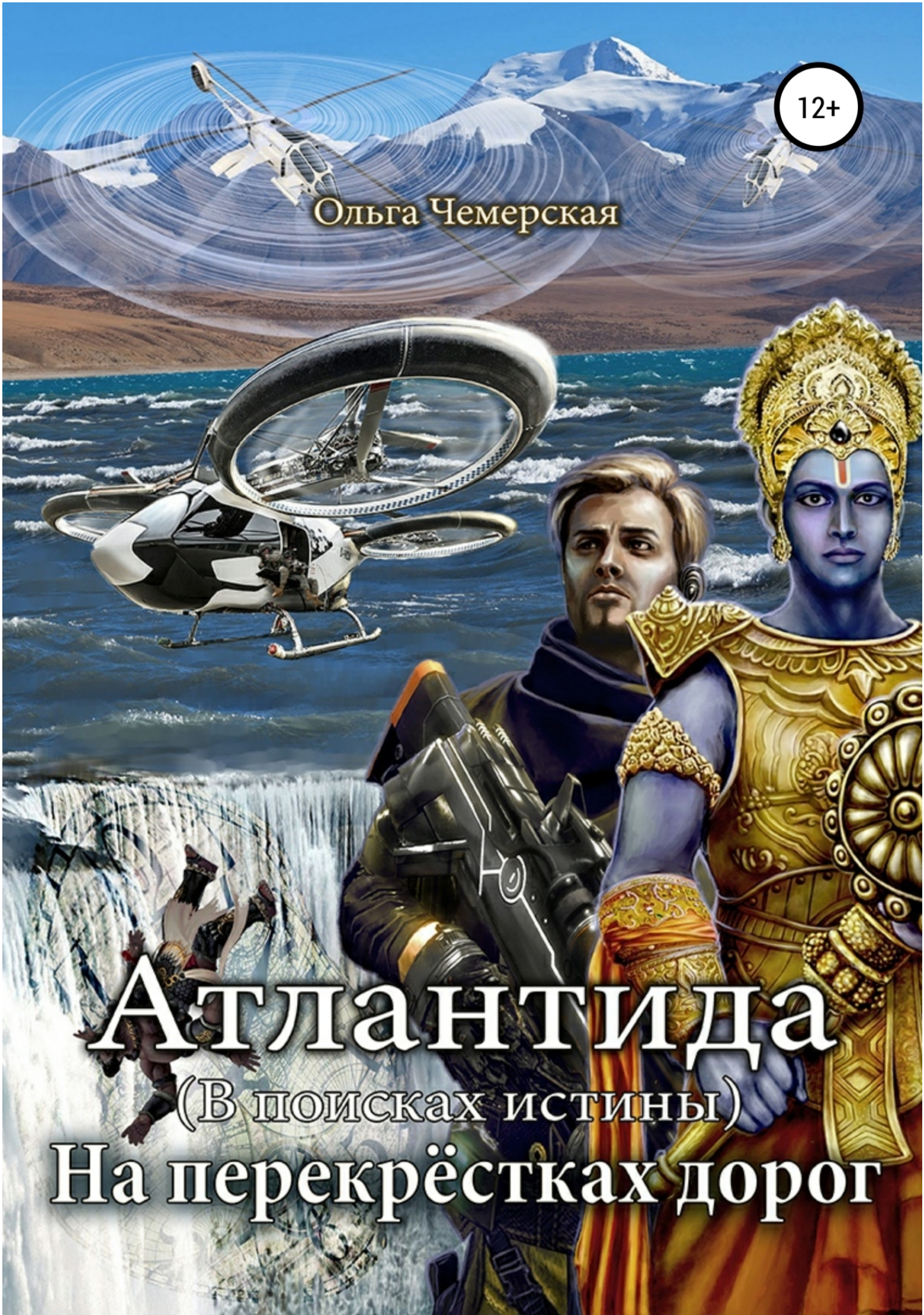
12+
Ольга Чемерская
Атлантида
(В поисках истины)
На перекрёстках дорог

Ольга Чемерская

Атлантида. В поисках истины. Книга пятая. На перекрестках дорог

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чемерская О. В.

Атлантида. В поисках истины. Книга пятая. На перекрестках дорог / О. В. Чемерская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Перед вами заключительная часть книги "Атлантида. В поисках истины". Атлантида возвращается в своё время и начинает собирать разбросанных по миру атлантийцев. Где они жили, кем были? Живы ли, мертвы? Смогли ли сохранить историю нетронутой? Удалось ли им приподнять завесу тайн, заполнить пробелы в исторических летописях, познать истину? Итог этой миссии может вас удивить!

© Чемерская О. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая. Сомнения 5
Глава четвертая. Британские острова 11
Глава пятая. С Востока до Запада 14
Глава шестая. Сватовство 15
Глава седьмая. Блеск янтаря 18
Глава восьмая. Тартария 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ольга Чемерская
Атлантида. В поисках истины. Книга пятая. На перекрестках дорог

Глава первая. Сомнения

Георгий отжал все тумблеры, гул и звон утихли. Все, кто был в лаборатории, бросились к компьютерам проверять связь с интернет, а через секунду в душной тишине лаборатории воздух взорвался другими звуками – радости, смеха, облегчения и восторга. Наверняка, вся Атлантида сейчас ликовала. Только Георгий сидел тихо на краю своего рабочего стола.

Когда возбуждение от успеха прошло, и все разошлись, разъехались по домам, Георгий вновь запустил аппаратуру. Его беспокоило прошлое. Его, как никогда, сейчас беспокоило прошлое. Атланты вернулись в свое время, а что осталось там? Они исчезли, стирая всю историю своего пребывания, или там всё осталось, как было? Особенно его интересовал тот период времени, в котором они фактически даже не были, покинув прошлое в девятом веке до н. э. Что происходило дальше и как мир обошелся без него – без Иуды?

***

Он стоял в Гефсиманском саду за толстым кипарисом, горели факела, и Иуда целовал Иисуса…С тяжелым сердцем затягивал мокрый от слёз узел на кривой осине…Три раза пропел петух, встречая рассвет.

Георгий молча смотрел, как из-за горизонта медленно, словно нехотя поднимается огромный безжалостный диск солнца.

Гробница, как и прежде, была холодной, и мертвенно бледные камни ещё не приняли золотистый оттенок восходящего солнца. Георгий терпеливо ждал. И как только первый луч солнца упал на каменную глыбу, закрывающую вход, она ожила. Камень отвалился, Иисус бледный и тонкий вышел из сумрачной глубины пещеры, вдыхая влажный аромат утра.

Глаза их встретились. Дамокловым мечом немого вопроса повисла между ними гнетущая тишина. Георгий занервничал, неужели? Иисус отвернулся и пошел молча в сторону противоположную от города. Георгий следовал за ним по пятам. В оливкой роще Иисус облюбовал древнее капище, и они присели друг напротив друга на замшелые каменные глыбы.

– Как так? Объясни! – Георгий смотрел на него, прямо в глаза, приподнимая брови, сглатывая ком, стоящий у него в горле.

– Нечего объяснять, всё шло и идёт своим чередом. Всегда будет Иуда. Не один так другой. Машина ваша абсолютно бесполезна. Несмотря на то, что вы создаёте бесконечные наслоения на материю времени, они тоненькими плёночками, словно лессировкой накладываются на картину, внося незначительные изменения на полотно. Меняются лица героев, появляются новые персонажи, элементы декора. Так, например: на пути к Голгофе появилась женщина, подающая мне платок, а у входа в пещеру – ангел Света, заговоривший с Магдалиной.

Как там у вас звучало? «…наблюдение играет решающую роль в атомном событии, и что реальность различается в зависимости от того, наблюдаем мы её или нет». История неизменна, лишь детали меняются в угоду наблюдателю, сбивая вас с толку. Тонкие плёночки, уже неотделимы от материи. То, что сделано – то сделано: и женщина, подающая платок, и ангел…, останутся на картине навсегда. Да и вообще – почему вы решили, что способны изменить замысел Бога?

Иисус встал, незаметным кивком попрощался и пошел дальше: мимо своей гробницы в город.

Немного погодя и Георгий пошёл следом, собираясь повернуть на развилке, навсегда покидая это место. У отваленного камня, преграждавшего путь, он повстречал Магдалину. Она смотрела на него, щуря от яркого света красивые, удивлённые глаза. Солнце поднялось над гробницей и пучком света расходилось от его гладко выбритой головы.

– Ты не найдешь его здесь, он воскрес, – произнес

Георгий, с легкой усмешкой и указал ей на дорогу, по которой недавно ушёл Иисус. «Ну, вот и всё, пожалуй. Нужно быть справедливым к жизни: я узнал многие из тайн, а больше, наверное, мне и знать не положено», – размышлял он, направляясь обратно в будущее.

Он никогда никому не расскажет о том, что с ним приключилось, и Антоний не словом не упомянет о сыгранной им роли Иуды, после того, как они поговорят вечером в тихом одиноком кафе на побережье.

– Скажи, что не встречал меня. Про Иисуса, пожалуйста, можешь рассказать всё, что я тебе говорил. Нет ничего в этой истории такого, но я не хочу, чтобы кто-то знал.

– Понимаю тебя. В конце концов, я ожидал нечто подобное. Спасибо, что открыл старику глаза. Мы теперь с тобой избранные. Эх, – печально гладя в тарелку, прокряхтел Антоний. – Но если честно, я тебе завидую.

– Да уж, конечно, не смеши…

Вероника искала мужа повсюду и застала с Фасулаки в кафе. Она долго, тайно смотрела через витрину на двух «стариков» и жалела, жалела, что когда-то отправилась следом и ненароком узнала то что пожалуй, не должна была узнать.

Глава вторая. Гипербореи

Больше пяти тысяч человек покинули Гиперборею, сплавляясь по течению тёплой реки в широкую акваторию Карского моря в район Байдарицкой губы, если так можно назвать это место. Карта островов выглядела несколько иначе из-за более низкого уровня мирового океана.

Они знали, что этот район полон стойбищ первобытных людей, и в их задачу входило поднять их с мест и также увести с собой в горы. Делать это нужно было незамедлительно, нет времени на раскачку.

– Мы должны вытянуться полосой и прочесать как можно большую территорию по пути к Уралу, – повторял свой предыдущий план Колесов. – Мы не можем бросить этих людей на произвол стихии. Я просил Вивасвата и Саранью пытаться объяснить всем, кого удастся встретить, идти в горы, но не знаю, получилось ли у них. Они идут своим путем на юг по восточному склону Уральских гор к устью Оби, и за тот район отвечают они. Понадеемся, что наши старания не пройдут даром. Главная задача сейчас – охватить всех, кто проживает в районе западного склона. Эта же задача стояла перед Филлипом и Джорджем. Вот и проверим насколько им удалась миссия спасения. Сегодня мы должны пройти как можно дальше и достигнуть подножия гор. Если нам хватит времени, мы сможем достигнуть самой высокой точки и подняться на гору «Народная».

Путь предстоит тяжелый: мы должны всё время подниматься вверх. На нашем пути будут скальные обвалы. Упавший на землю астероид заставит сотрясаться горы. Так что снизу к нам будет подступать вода, а с вершин падать камни. Здесь тепло, спасибо Меру, а чем дальше от побережья, тем холоднее. Зона приполярья сейчас смещена к центру Уральских гор, но думаю, лет через сто-двести земля остынет и всё станет иначе. Борис, нам нужно много леса. На границе гор заполните все платформы. Когда мы поднимемся на вершину, нам нужно построить временное убежище.

– Есть, командир! – бодро крикнул Стрижевский, преодолевая сильные порывы ветра, который подхватывал его слова унося в горы. Туда, догоняя ветер, и пойдет народ Гипербореи.

Под началом Колесова сейчас оставалось около тысячи: последние, кого эвакуировали с Гипербореи за последние три дня. Контролировать такую протяжённую колонну было очень тяжело. К тому же за собой тащили оленей, груженных поклажей, везущих маленьких детей

и беременных женщин. Олени преодолели водную преграду вплавь, привязанные к плотам. Животные были связаны между собой линем, с большим количеством поплавков, созданных из прессованной коры хвойных деревьев. Благодаря этому все олени благополучно добрались до места, и плоты меньше трясло на волнах, не бросало из стороны в сторону. Олени сами выполняли роль поплавков. Теперь они стали ишаками, неся на себе различные грузы. Придёт время и им придется спасать своих хозяев от голодной смерти….

К моменту трагедии вся группа собралась у подножья горы «Народная» и преодолела большую часть пути, но до вершины было ещё далеко. Горы содрогнулись, и с разных сторон на них посыпались груды камней. Люди метались по склону в поисках спасения. Мужчины прикрывали собой детей и женщин, уводя их от обвалов. Колесов громко командовал в мегафон, организуя перестройку колонны.

– Направо! Группа Стрижевского – направо, Сафуан – налево, дальше налево, еще левее. Быстро! – кричал он, но испуганные олени тормозили движение, в панике разбегаясь кто куда. Роняя людей и поклажу, они неминуемо попадали под обвалы.

– Мужчины держат и направляют животных! Всем взять удила и по команде…

Огромный валун, как гигантский мяч, тяжело подпрыгивая на ходу приближался к Стрижевскому и крепко сбитой группе испуганных людей. Борис широко развел руки в стороны и, отступая назад, быстро теснил людей к скале, освобождая дорогу великану. Женщина с ребёнком на руках вдруг вырвалась вперед. Олень, зацепив её веревкой, ошалело метнулся в сторону, увлекая женщину в зону смертельной опасности. Еще мгновенье и огромный камень прыгнул прямо на неё. Стрижевский с силой рванулся вперёд, в последний момент выхватывая из рук женщины малышку. А через секунду каменная глыба уже уносилась, вниз утягивая град камней и пыли за собой. Только изредка мелькали в пыли рогатые головы брыкающихся животных и цветные пятна одежды ушедших навсегда.

Колесов не заметил сразу, что их звуковые платформы исчезли, а спустя минуты появились уже пустые, управляемые кем-то со стороны. Люди забирались на платформы, бросая оленей и поклажу, а те уносили их высоко на вершину. Филипп и Джозеф ждали остатки гиперборейцев во главе с Колесовым. Разглядев колонну, они быстро подняли ультразвуковые платформы с лесом, сгрузив его на широкую площадку вершины. И тут же отправили их обратно за людьми.

Все следующие сутки борейцы обыскивали склон в поисках попавших под завалы людей и животных, в то время как вода поднималась всё выше и выше. Люди боялись худшего, делая большой сруб из того леса, что удалось доставить на вершину.

– Как бы не пришлось использовать его не для жилья, а в виде спасательного ковчега! Вот смеху-то будет, когда в будущем его найдут на «Народной», а не на Арарате, вопреки обещаниям, – шутил неугомонный Стрижевский, но видел вокруг только кривые ухмылки, мало напоминающие о веселье. За спиной то кряхтела, то плакала маленькая двухлетняя малышка. Похоже, она теперь осталась одна, и только Стрижевский мог о ней сейчас позаботится. Родители крепко держали в объятиях своих детишек, и свободных рук не было.

– Как же тебя зовут, крикушка? Нам теперь придется как-то общаться? – громко говорил Борис, вырубая пазы, ловко работая топором, забивая скрепы и шипы. Лил сильный дождь вперемешку с пеплом, грязными потоками стекая со склона. Часть брёвен поставили в виде шалашей, пока не пришла их очередь, и люди прятались, набиваясь как кильки в бочки. Дети плакали, женщины выли, стиснув зубы, не зная, что лучше: оставаться здесь в неизвестности беды, или быть там, где уже всё произошло и не нужно больше страдать.

– Вот так навскидку ничего и в голову не приходит…Виктория? – вспомнил он одно единственное женское имя, уже несколько сотен лет не выходящее у него из головы. – Вика. Я буду звать тебя Вика, – как будто делая для себя открытие, он разогнулся, встав во весь рост,

и посмотрел далеко, так далеко, насколько позволял взгляд, застланный дождём с каплями черной воды.

Небольшой ковчег, в котором стены доходили только до середины – на большее не хватало леса, иначе не из чего было бы строить крышу – с трудом вмещал триста человек. Люди с ужасом ждали прихода воды, неотступно прибывающей день ото дня. Олени тоже паниковали, перемещаясь от одного уступа плоской вершины к другой. Олени были запасным плавсредством, на них до сих пор болтались веревки с поплавками – так, на крайний случай.

Казалось, что приполярье уже становиться явью, так холодно и промозгло из-за сильных ветров было на вершине. Людей мучил кашель и сильный озноб. Несколько палаток, которые удалось соорудить, превратили в лазареты. Ситуация назревала критическая. Дождь не прекращался, и вода всё продолжала прибывать.

Никто не считал дни, считали умерших. Когда дождь прекратился, а вода начала потихоньку спадать, их сложили в ковчег и пустили по воде. Как большой огненный дракон уносился горящий плот прочь от вершины, влекомый течением в море туда, где лежит в руинах легендарная страна, готовая принять своих небожителей.

Глава третья. Ковчег ~ 15-12 тыс. лет до н.э.

Ковчегом оказался не плот, ставший в итоге прибежищем мёртвых, ковчегом стали горы. На сотни километров вокруг блестела в тусклых лучах иногда проглядывающего солнца бесконечная гладь воды, и Уральский хребет, словно огромная спина Чудо-юдо рыбы-кит или гигантский трансатлантический лайнер, дрейфовал в этих пустынных водах, собрав на своём борту всякой твари – по паре.

Многие животные, которым удалось спастись, нашли убежище на вершинах этих гор. Уйма времени прошло, пока вода окончательно не спала, пищи не хватало, а ведение сельского хозяйства было ещё невозможно: с холмов землю вынесло водой, а ниже земли превратились в жидкое месиво, болото.

Несколько сот лет люди выживали в горах – в сырых пещерах. Люди уходили всё дальше на юг, так как росла и ширилась зона приполярья. Ледовитый океан стремительно остывал, выгоняя людей всё дальше от наступающего холода. Только местные жители отказывались уходить из родных мест. Они одевали толстые шкуры оленей; делали из шкур дома, отогреваясь теплом своих тел. Но гиперборейцы следовали за своими вожаками дальше на юг.

– В более тёплых регионах испарение воды идет гораздо быстрее, и нам не придется строить плотины и отводить бурные реки вод от земли, чтобы, наконец, вырастить что-то, – на сборе совета стал убеждать всех Всеволод, очередной раз срывая их с насиженного места.

– Мы только закончили стену, способную защитить нас от ветров и эрозии почвы. Стена, как ты говорил, должна была послужить маяком, возвышаясь выше леса, дабы Атлантида могла найти нас! И снова в путь? – возмутилась Елизавета, которая была снова на снастях. – Такой гигантский труд!

– Мы здесь уже несколько сот лет и Атлантиду, похоже, не дождёмся. Как и всегда, уходят не все – кто хочет, могут оставаться и жить своей жизнью. Я никого не гоню. Но мы живем в лесу, как дикие звери, мне это не по душе. И эта наша стена – смех один….

– Я же знаю, как всё это происходит! Ты уйдешь и уведёшь с собой мою дочь, – глаза у Елизаветы были на мокром месте. Как и все беременные, она слишком чувствительно воспринимала окружающий мир.

– Дети, так или иначе, уходят из родительского дома, с этим ничего не поделаешь, – Стрижевский крепко держал за руку Викторию. Они были как сиамские близнецы. И похожи и

непохожи одновременно. Не проходило и дня, когда они вот так не держались за руки. Вместе везде и всегда.

Вначале оттого, что ребенок был маленький и опасности подстерегали на каждом шагу, а потом Стрижевский так привязался, что не мог доверить её кому-то, и беспокоился каждую минуту в разлуке. Так и повелось: и на охоту и на рыбалку, и на совет вождей она ходила с ним, словно важная персона, глава рода.

И тут, присутствуя на заседании совета, Виктория ни с того ни с сего встала и произнесла:

– Хочу сделать заявление, пока не началась вся эта суматоха и сборы. Мне в этом году исполняется двадцать один год. Я собираюсь выйти замуж!

Стрижевский одёрнул руки и напрягся. Казалось, что он и не дышит вовсе.

– Что ты говоришь? Я не позволю. Ты должна была сперва мне сообщить это твое решение! – вырвалось из его груди.

– Я знаю, что ты будешь против. Поэтому прошу Всеволода дать своё согласие, – хитро посмотрела она на Стрижевского.

– И на кого же пал твой выбор? Кх-х. С трудом могу себе представить! – закашлялся от неожиданности Колесов, а Елизавета беззвучно смеялась в спину мужу.

– Я выбираю Бориса, – сказала Виктория с гордостью, беря руку суженного и прижимая к груди.

Стрижевский вновь перестал дышать и покраснел. Он всю жизнь воспитывал Вику как дочь, но никогда её дочерью не называл. Тайно любовался со стороны и бил себя по рукам за греховные мысли. Он не мог надышаться на неё и обожал последние годы, кажется, не только платонически. Вика была его Викой. Он так и говорил всегда: «Моя Вика». Никто и представить себе не мог, что Вика когда-то сможет выйти замуж. Её жалели.

Но, видимо, все здорово ошибались и девушка не пошла против судьбы, ломая копья и показывая характер, а выбрала простой путь – быть с тем, кто дороже всех на свете, кого любила.

– Я, конечно, безоговорочно даю своё согласие. Но разве не нужно спросить у жениха? Вдруг у него на примете кто-то есть! Я знаю как много у него поклонниц! Поделился бы, что ли…

– Я не поняла, а что с Софией не так? – Елизавета приняла шутку за чистую монету. Она отдала дочь Софию, рожденную «бессмертной» в жены Колесову, и теперь сильно сомневалась в своем решении. Не подгадывая, по чистой случайности, две дочери она выносила в анабиозе. Одна, Анна, уже оставила её выйдя замуж «за границу». Её увез Джордж, когда европейская ветвь отделилась от них и ушла на родину.

В этот период Софья болезненно переживала свою первую любовь. Переболев, она стала холодной и высокомерной. Она корила мать за то, что та не дала ей выйти замуж в тринадцать, что её возлюбленный нашел себе другую. А потом, видимо из мести или вредности, окрутила и женила на себе влюбчивого Колесова.

Всеволод старался изо всех сил, но часто натыкался на холодную стену равнодушия. Самое надёжное средство в такой ситуации – удариться в бега. Что, собственно, он и предлагал сейчас на совете.

– Поднимаемся через месяц. Если вы сговоритесь, – он вопросительно взглянул на Вику и Стрижевского, – то через месяц сыграем свадьбу и в путь! – выдал он свой вердикт.

Ночь в горах стояла по-осеннему холодная. Жаровня уже остыла и в маленьком домике гулял прохладный ветер. Стрижевский не спал. Виктория застала его врасплох этой неожиданной выходкой, и он по-стариковски смешно ворчал всю дорогу домой, не зная, как и реагировать. А ему по-прежнему, как и Колесову, не было и сорока.

Полночи он ворочался на жёсткой соломенной подстилке, а ближе к утру поднялся и, трясясь от холода, начал ходить туда сюда, раздувая угли в небольшой буржуйке. Заглянув к

Веронике, он увидел что и она замёрзла, сжавшись клубочком, кутаясь и дрожа. Борис прижал губы к её раскаленному лбу. «Значит, не показалось», – подумал он и побежал за мокрым полотенцем и ковшом с холодной водой. Отжал воду и приложил полотенце ко лбу Вероники.

– Холодно! Ты меня так совсем заморозишь, – тихо прошептала она, и, взяв его руку, и потянула к себе. Он знал, что сбить лёгкий жар можно, если укутаться и пропотеть. А ещё хорошо греет тепло обнаженного тела.

Он разделся и лёг рядом, крепко прижимаясь всем телом к горячей спине Вероники. «Чему быть – того не миновать», – подумал он, успокоился, и, наконец-то, крепко заснул.

Утро уже закинуло розовые лучи за горизонт и, хватаясь ими за тучи, потихоньку выползало вверх. Прошла неделя, и сегодня можно было поспать подольше. «Шесть дней трудись, а седьмой день молись» – говорили раньше на Руси и шли с утреца в церковь. Потом же гуляли, пели, веселились от души. Отдыхали, одним словом. Выходили в парки, на площади, заполняли рынки, желая прикупиться обновками – себя показать, да на других посмотреть.

Сегодня был такой день в жизни Стрижевского, что никуда идти ему не нужно было. Есть на кого посмотреть и кому себя показать…поэтому он спокойно спал в тепле и неге, обхватив тонкое тело крепкими, шершавыми руками, осторожно и мягко. И снился ему сладкий сон откуда-то из далекого детства.

…Он ходит в саду, задрав голову, а всё небо над ним заполоняют большие красные яблоки. Тесно сидящие на ветках они трутся друг об дружку блестящими, румяными боками. Солнце изредка прорывается сквозь листву и слепит ему в глаза, метко и остро. Он щурится и тянет руки к яблокам, пытаясь дотянуться и сорвать хотя бы одно. И вот, наконец, потянувшись на цыпочках, он хватает заветное яблоко рукой. Созревшее, мягкое, теплое…прикасается к нему губам….

***

Месяц пролетел быстро, сборы закончились, и гипербореи были готовы отправиться дальше.

– Ну что ж, мы так хорошо себя вели всё это время, и дальше будем жить тоже тихо и незаметно, – выдал Стрижевский таинственную фразу и, взяв баночку с орешковыми чернилами, опустил в неё кисть, и, спрятавшись за мегалитом собственного производства написал: «Здесь был Борис».

– Может быть, в будущем в какой-то книжке удастся увидеть фото с подписью: «Загадка древнего мегалита до сих пор не разгадана…».

– Ну, в этом я не уверен! – громко сказал Всеволод за спиной Бориса, и Стрижевский аж икнул от неожиданности.

– Этими местами почти никто не интересуется. Мы не отставим здесь наскальные рисунки и таинственные рунические письмена, бронзовые, серебряные орудия и золотые украшения. Мы не оставим ничего. Да и эти стены, как я помню, будут сильно повреждены, возможно, метеорит или плазмоид…только туристы и неспокойные души будут изредка искать здесь признаки древних цивилизаций, оставляя такие же кощунственные подписи, Стрижевский.

– Грустно как-то.

– Что-то более или менее серьёзное, похожее на цивилизацию, можно будет создавать в пятом, четвертом тысячелетии, не раньше. До той поры нужно быть крайне осторожными и не оставлять улик.

Глава четвертая. Британские острова

– Джорж, ты отмечаешь дни на календаре? Как прежде?

– У нас долгое время не было на чём и чем вести календарь, но каждое зимнее равноденствие я складывал в кисет камешек.

– Нам необходим календарь. Мы, наконец, дома и должны как следует планировать свою жизнь. Что если мы построим обсерваторию по типу Гиперборейской?

– Из ледяных блоков?

– Да ну! Смеёшься что ли? Льда у нас, конечно, предостаточно, но с каждым столетием становиться всё теплее. Придёт время, и мы наконец заживем как люди! Как думаешь, может зря мы ушли с континента?

– По мне так – нет. Не зря мы ушли. Эти кроманьонцы не оставят нас в покое, пока не вырежут всех.

– Откуда они только взялись?– задал Филипп, больше риторический вопрос.

– Пришли с юга, не помнишь что ли? Склероз ходячий. Мы тогда со Стрижевским думали, да гадали, решили, что их вытеснили с насиженных мест наши. Если не Кусаиновы, отправлявшиеся через юг Сибири в Казахстан, то Колесов потеснил их с юга России. Не удивлюсь, если их гнали ещё от Иртыша до Каспия люди Вивасвата, от Каспия до Днепра. Пришли сюда, а здесь мы. Злобы и отчаяния накопилось в них с лихвой.

– Строить нужно из камня.

– Из камня? Ближайшие скалы находятся в трёхсот восьмидесяти километрах отсюда! Наши платформы очень быстро разряжаются. Примитивная самодельная техника – это совсем не тот уровень. Нужно быть скромнее и строить что-то попроще.

– Недалёк тот день, когда нам снова придется уснуть! Я хочу построить не столько обсерваторию, сколько храмовый комплекс – по типу лабиринта, в котором может надежно укрыться камера для сна. Мы, кстати, можем использовать ледник для перемещения камней. Посмотри: он тянется от самых гор вплоть до плато. Если нарезать камень и попробовать использовать лёд, нагревая камни… плюс ультразвук, то, думаю у нас получится.

– А что послужит источником звука? С помощью чего мы создадим такие мощные вибрации?

– Я предполагаю, что источником звуковой волны может стать волынка. Пара десятков волынщиков спокойно сдвинут с места четыре, шесть тонн. Как думаешь? А на месте для подъёма камней уже используем мощность УЗ-платформ.

– Чувствуется, ты об этом долго думал. Можно попробовать…– с сомнением ответил Джорж, продолжая разделывать оленью тушу.

– Волынка способна создавать звуки совершенно разной частоты. В любом случае, пара лет уйдет лишь на то, чтобы спроектировать этот объект и сделать деревянный макет. Сперва нужно убедиться в его работоспособности, а потом только начинать присматривать материал и решать, из чего можно построить такую обсерваторию.

– План хороший, добро, – улыбался Джорж уже чему-то другому. К ним приближалась красивая девушка, рыжая красавица Анна. Анна стала женой Джоржа недавно, и их чувства были слишком свежи, чтобы Джордж мог спокойно реагировать на приближение любимой женщины.

– Эх, совсем ты пропал, друг. Ну, какой из тебя товарищ? Ты даже не слушаешь, – глядя на Анну с доброй завистью шутливо говорил Филипп. – А дочь свою отдашь за меня?

– Что? – прослушав вопрос, переспросил Джорж.

– Сколько лет Анне?

– Какая разница? – говорил Джорж, улыбаясь глазами и неотрывно глядя на Анну.

– А то, когда она, по-твоему, сможет уснуть?

– О чём это ты? – всё ещё не понимал Джорж.

– Я говорю о «бессмертии», дубина. Теперь мы знаем механизм того как рождаются «бессмертные», и должны им непременно воспользоваться. Вот у тебя есть женушка на всю оставшуюся жизнь, а у меня нет.

– Думаешь, моя дочь сможет полюбить такого лохматого, склерозного старика?

– Да какой я тебе старик? – Филипп подскочил и начал метелить Джоржа, тут же подхваченной оленьей ногой.

– Что тут у вас? – удивленно спросила подошедшая Анна.

– Он хочет соблазнить нашу дочь!

– Какую дочь? – удивленно засмеялась Анна.

– Нашу «бессмертную» дочурку!

– Всё ясно, делите шкуру неубитого оленя? – громче засмеялась она. – Мужчины по жизни как дети!

– Скажи, что я прав! Если мы знаем, как рождаются «бессмертные», то должны пользоваться этим великим знанием!

– В принципе, да! – поддержала идею Анна. – Только как подстроить эти события? Да и рисковое это дело. Я боюсь. Вдруг придётся вынимать ребёнка с помощью кесарева сечения? Уровень медицины у нас не тот!

– Уровень медицины у нас ещё тот! Выживает только сильнейший, – заложив оленью ногу под мышку Филипп вернулся к работе.

– У меня появилась идея! Не хотите прогуляться на север в Ирландию? – неожиданно сменил тему Джордж, сливая прежний разговор в другое русло.

– А что там? – посмотрела на него Анна, щурясь на солнце.

– Там «Дорога великанов» была когда-то. Доставлять камни по морю было бы куда проще. Если в этом комплексе мы найдем подходящие по форме мегалиты, мы просто погрузим их на плоты и привезем сюда в Эймсбери.

– Насколько я помню по фотографиям, все камни там – шестигранники.

– Вот мы и проверим. Ведь готовые блоки, нарезанные природой, можно просто взять и не мучиться. Слоистые базальты созданы самой природой специально для нас.

– Ххх. Думаешь? Поехали! – весело воскликнул Филипп и пошёл седлать лошадь.

– Эй, эй, не так быстро! Закончите с олениной. Мне, что ли, руки марать? И я тоже хочу на «Дорогу великанов» посмотреть…– надувая губки командовала ими Анна.

***

Путешествие заняло месяц. «Дорога великанов» поразила товарищей, как ничто другое. Много необычного видели они во время своих скитаний, но такое впервые. Несколько часов обследовали друзья камни и обнаружили вполне подходящие по размеру экземпляры чуть дальше, в скалах. Ступени выглядели неплохо, но из них не получилось бы сложить устойчивую конструкцию. Камни должны были иметь форму параллелепипеда с более широким основанием.

Но несколько они всё же решили привезти для внутренней скрытой колоннады. Но это позже. Сейчас их внимание привлек большой зеленоватый базальт с крупными вкраплениями слюды. Он даже поблескивал на солнце, завораживая своей красотой, отполированной солёным языком морской волны.

Филипп забрался на камень и присел, приглядываясь к поверхности. Через пару минут он почувствовал тепло, идущее от камня, и мелкие вибрации гравилора.

– Джордж, глянь, от этой каменюки наш приборчик потихоньку заряжается. Неплохо было бы взять его с собой! Я здесь такую ценность не оставлю! И тёпленько так. Это как раз то, что нам нужно. Мы установим его в центр, как алтарный камень.

– Ты говоришь так, словно собираешься Стоунхендж возводить!

– Так оно и есть. Кто кроме нас сможет это сделать? Или ты видишь где-то готовую постройку? Стоунхендж возводили в течении двух тысяч лет – это можем сделать только мы.

– О-кей, две тысячи? Может…стоит отказаться?

– Как минимум – мы не сможем ориентироваться во времени без такой обсерватории. Строительство могло бы стать хорошим объединяющим фактором для людей. А как максимум – мир лишится плодов наших усилий – археологического памятника! А это многие и многие человеко-часы на изучение, сохранение и регулирование туристического потока. Подумай о прибыли, которую мы можем получить году так в тысяча девятьсот каком-то!

– Ах-ха-ха, убедил. Вернемся с УЗ-платформой. Если это то, что я думаю, и камень обладает хрупкой кристаллической структурой, транспортировки он может не выдержать! – Джордж иронично ухмыльнулся.

Они переночевали в скалах, а на утро отправились в обратный путь, чтобы вернуться потом за зелёным алтарным камнем.

– Джордж, если бы у тебя родился сын, какое имя ты бы ему дал?

– Если бы да кабы… выросли б во рту грибы!

– А как тебе…Мерлин?…

Глава пятая. С Востока до Запада

Словно весенние талые воды, сошли с гор множественные народы Гипербореи и расселились на всей южно-русской равнине от Днепра до Енисея.

На востоке к Индии шли люди Вивасвата и Саранью. Мешаясь с местными племенами азиатов, всё дальше продвигающихся от Тихого океана вглубь континента, они осваивали огромные территории южной Сибири. Небольшие поселения на юге Сибири основали и Елизавета с Сафуаном, но жилось им там очень неспокойно. Колесов, наконец, достиг земледельческих районов Волги, а Стрижевский пошёл в предгорья Карпат. Теперь они могли разделиться. У них появились дети – «бессмертные». Родственники, способные поддержать и проконтролировать «сон Атланта».

После рождения сыновей-двойняшек, София выбрала для них особенные имена. Старшего назвала Светозаром. Его глазёнки цвета утреннего неба смотрели на неё во время кормления не мигая, и она проваливалась в это бездонное небо, наполненное светом, словно находилась под гипнозом. Она с трудом отрывала взгляд и вертела головой, чтобы сбросить лёгкое наваждение.

Малыш, рожденный следом, явно унаследовал черты отца Софии – Сафуана, и для этого ребёнка, когда наконец смогла прийти в себя после осложнённых, долгих родов, она придумала особенное имя – Тургай. Двойняшки, переношенные и невероятно крупные, родились сразу после выхода из анабиоза. Обессиленная Софья злилась на Колесова за это решение. Но она и сама понимала, что тянуть больше нельзя. Живот был просто невероятен. Воды отошли сразу после того, как она проснулась, и начавшаяся родовая деятельность не оставляла им шанса.

Целый месяц она находилась на грани жизни и смерти, злилась и проклинала всех, кто приходил помочь ей, накормить и споить лекарство. Следующий год состоял из ссор и обвинений. В результате с небольшой свитой она ушла к месту предыдущей стоянки: к медной горе в самом узком месте Уральских гор.

Потом след её затерялся, но Колесов помнил легенду о том, что в медных рудниках некогда жила царица – вздорная девка, коварная и порой злобная. Она заманивала к себе молодых девушек и парней, запутывала в лабиринтах малахитовых пещер себе на забаву. Они служили ей, пока не надоедали или получали «отпускную» на время «сна»…

Основываясь на таких сведениях, легендах и предположениях, собирала Атлантида по миру своих непутевых детей. Дёргала за тонкие ниточки сказаний, плутая, словно Тисей в лабиринте Минотавра. Одни прославились так, другие иначе, но незаметными они не сумели выйти из этой ловушки времени….

Когда Светозар и Тургай вошли в возраст, Колесов отправил гонцов к Стрижевскому в Европу, и в Южную Сибирь к Кусаиновым, получить весточку и просить в жёны своим сыновьям «бессмертных» дочерей Атлантов. Не должен «бессмертный» оставаться одиноким. Терять любимых, близких людей, как страдал и терял их Всеволод? Нет. Для «бессмертных» должны быть – «бессмертные».

Глава шестая. Сватовство

Вот уже который раз к нему наведывался Сидон. Не часто, но раз в пять лет точно. Как раз в этом году Борис его ждал как никогда. В том смысле, что он его никогда не ждал, но сейчас тоска была особенно сильной, и Стрижевский подумал о Сидоне.

Стрижевский уже давно никого не ждал, с тех пор, как умерла Виктория. Они прожили долго и счастливо полвека, всего только полвека! Как же это мало по сравнению с вечностью! У них было всё и всего много! Сто лет счастья! У них были дети, внуки, правнуки, которые ни на минуту не оставляли его одного. Род его разрастался, как трава на вспаханном поле по весне. И чем больше становился род, тем более одиноким чувствовал себя Стрижевский.

– Все! Да кто такие эти все? Все – это все! А значит никто! – кричал в бане сильно выпивший Борис. Сидон с трудом переносил подобные посиделки, сердце уже не то.

– А теперь окунёмся в заливе и баиньки, – пытался вытащить его из бани Сидон зак,идывая тяжелую руку Бориса себе на плечо. – Тебе нужно жениться!

– Думаешь, так просто – жениться? Жена должна быть одна и на всю жизнь! А где ты такую сыщешь? Нигде!

– Колесов говорит у него правнучка на выданье.

– Да что мне Колесов и какая-то праправнучка! Я что извращенец какой? Мало мне того греха…

– Ты пропойца, Стрижевский! Если не бросишь…

– А ты, откуда про Колесова знаешь? Про Колесова только я знаю!

– Я тут недавно с Геркулесом выпивал…

– Это кто?

– Герой древнегреческий. Он мне про Колесова такое понарассказывал – и смех и грех вспоминать.

– Ну, и что он там вычудил?

– Колесов рассказал ему, как тот Авгиевы конюшни почистил, хвалил за находчивость, а Геркулес ещё и слыхом про них не слыхивал!

– Да ты что! Правда? Ну дает Колес! Вот так прокололся!…А что до внучки, не можно мне брать её в жены.

– Почему же?

– Родная она мне.

– Что ещё за бред?

– Когда мы с Колесовым разошлись, со мной пошла девушка из «бессмертных». Колесов, может, знает, чьей дочерью она была, но точно не из начальных. Она сохла по мне. Я знал. И когда Виктория была уже в возрасте, Полина, так её звали, просила меня стать отцом для её ребенка. Виктория была согласна. И даже благодарна за то, что Полина спросила её разрешения.

Полина зачала и уснула на шестом месяце беременности. Сон был недолгим, и, проснувшись, она разрешилась девочкой. Я, конечно, был рад, но не то чтобы сильно баловал мать и дитя, а когда Колесов прислал сватов за дочкой для Светозара, Полина ушла вместе с ней.

Если сейчас на выданье девочка по линии Полины, то она моя кровная внучка.

– Ну и намутили вы, везде бардак! Коли так, тебе бы на свадьбу съездить, хоть внучку, правнучку, или кто она там, замуж выдать!

– Не думаю, что меня там ждут.

– Ну так давай проверим!

После долгих уговоров они, наконец, собрались и через неделю были уже на Днепре. Путь по реке приятели преодолели быстро. По Висле, затем Припяти до истоков реки; так они попали в городок на Днепре.

Городом Стрижевский называл его с натяжкой: деревянная крепость на холме и россыпь ветхих мазанок, покрытых соломой. Болотистая местность извергала ключи, тут и там виделись пруды, озёра и лужи. Ручьи впадали в маленькие речки.

– Стрижевский, может и не стоило сходить с корабля? Каждый квадратный километр – водоём!

– И что, лететь этот километр? У нас не летучий корабль, – засмеялся он.

– Да, тут только на апперах передвигаться можно. Куда не глянь – мостки переброшены.

Они поднялись на холм и просили стражей доложить о прибытии гостей. Про мощение дорог они похоже и не слыхивали: везде было сплошное месилово, и Сидон окончательно промочил ноги в своих восточных туфлях. Песчаные холмы Стрижевского были намного привлекательнее этой чёрной, жирной жижи чистейшего чернозема.

Их наконец сопроводили в палаты. За столом собралось всё большое семейство. Видно было, что здесь и стар, и млад – все поколения семьи что-то шумно обсуждают, перекрикивая друг друга. Стоял гул.

– Пожаловали богатые купцы из краёв далеких. Господа Сидон из Тира и господин Стрижевский из янтарного края, – объявил глашатай.

Наступила тишина.

– Ну что ж, проходите, гости милые, присаживайтесь, откушайте с нами, выпейте сладкого мёда, – встала из-за стола молодая девушка.

Сидону и Стрижевскому освободили места за столом.

– И с какой же целью прибыли к нам такие люди? – громким басом заговорил мужчина во главе стола.

– Мы приехали к вам на свадебке погулять, – с ходу заявил Сидон, рассчитывая на чувство юмора собеседников.

Все переглянулись.

– Да, кто же вы будете?

– Мы люди из Атлантиды. Я живу в далекий краях, а вот Борис неподалёку…Сосед ваш. Нет ли у вас кого из янтарного края? Много лет назад его покинула Полина с дочерью Миленой, к вам в жёны Светозару.

– Предки наши, Польна и Светозар живут уединённо. Отшельниками слывут. А Мила я, – встала пожилая женщина и поклонилась.

– Мне много лет, и я старею. Единожды приняв «сон Атланта», проснувшись, я стала медленно увядать. И теперь, отец, ты будешь расстроен? – обратилась она к Стрижевскому.

Стрижевский не знал куда деваться. Чувства разрывали его пополам. Одна половина хотела обнять дочь и рыдала, тайно, а другая мечтала бежать прочь, закрывая глаза полные горючих слёз.

Милена подошла сама и обняла отца как ребенка: взрослого, но всё ещё ребенка. Мать любовно рассказывала о нём много лет подряд сказания, романтические истории. Без злости, ревности или обиды, и Мила тоже, почитая его за героя, не могла сердиться. Хоть иногда и закрадывался червь в сердце: точил его, грыз, но она недолго находилась в его власти и решительно прогоняла прочь.

Уже сидя за столом, беседуя, она рассказала им историю своего рода:

– В нашем роду давно перевелись женщины, способные родить потомка для Атлантиды. Все мы смертные, – она провела рукой, указывая на людей за столом. – Но мы храним традиции и почитаем заветы наших предков. Мои сыновья жили долго, но смерть настигла их

неожиданно – на поле брани. Здесь уже пятое поколение, и на выданье только Леда, лебёдушка наша, красавица, но мужа ей пока достойного нет. На какую же свадьбу вы собрались?

– Колесов говорил о внучке на выданье, – улыбнулся Сидон.

– А. Всеволод. У него-то все внуки да внучки! – засмеялась она.

– Был он пяток лет назад. Но девка у нас капризная, как царевна какая. То бои, то ещё какие испытания придумает, лишь бы от замужества отказаться. Строптивая.

Леда глянула на гостей, вспыхнула, и уткнулась в миску, пряча разгоряченное лицо.

– Так получается, Стрижевский, она тебе уже и не внучка. А так, седьмая вода на киселе? А ты внучка, внучка… Может и женишься? Отдала бы ты Леду свою за Стрижевского? – направил свой вопрос Сидон прямо по адресу: упрямо глядя в глаза Милене.

Долгий немигающий взгляд пронзил Бориса.

– А что, может и отдала бы. Но всё решает невеста.

– Леда, милая, ты бы пошла замуж за Стрижевского? – настаивал Сидон. Он непременно хотел достичь цели свой поездки.

– Да успокойся, Сидон. Я не рискну больше жениться, она же, – не «бессмертная» хотел сказать Стрижевский, но его прервала Леда. Она встала во весь рост, выпрямилась, вытягивая белую шею, и громко сказала, перебивая Стрижевского на полуслове:

– Я согласна!

Все за столом даже ахнули громко, хором.

– Ну, что ж. Давайте подумаем. Семь дней. Если ваши намерения не изменятся, может и погуляем на свадьбе! – громко объявил Кий, старший из братьев-основателей будущего великого города.

Глава седьмая. Блеск янтаря

– И жили они долго и счастливо, – радовался Сидон за друга, выпивая, в очередной раз прибыв к нему за партией янтаря. Янтарь был попутным товаром, но был популярен среди торговцев и хорошо продавался. Сидон возил из Бретани олово и на обратном пути наведывался к Стрижевскому.

– Атлантида ждёт тебя, Борис. Ещё сто, двести лет и нам отбывать!

– Думаю, как ни печально, счастье не станет длиться вечно, и через двести лет я с радостью покину эти места. Горечь и боль утраты перенести нелегко.

– Не говори гоп! А то накликаешь беду!

– Я давно уже счастлив с оглядкой, и жду, что пол столетия пролетят как один день, а потом снова боль! Она отравляет моё счастье!

– Не иди на поводу черных мыслей! Радуйся! Мне вот такого счастья не выпало. Я всю жизнь готов любить только одну женщину… Она маячит перед глазами, соблазняет, а в руки не даётся. Чёрт её возьми!

– Выпей, Сидон, тебе непременно полегчает! – наполняя кружку медовухой, Стрижевский похлопал его по мокрому плечу, и мыльные брызги, разлетевшись попали и Стрижевскому. Он закрыл один глаз и стиснул зубы.

Они сидели всю ночь, жалуясь и утешая друг друга снова и снова, пока в баню не вбежали с криками мужики:

– Пожар! Горят поля и ветер гонит огонь к лесу.

Стрижевский быстро оделся в побежал к месту трагедии. Все жители с лопатами выстроились в ряд, быстро перекапывая землю широкой полосой, отделяя горящее поле от нетронутой еще огнем территории. Несколько лошадей запахивали и расширяли колею. Телеги с бочками шли следом, поливая свежую пашню.

Всю ночь Стрижевский не покидал пожарище. Треть урожая, уже готового к уборке, удалось спасти, но огонь пошёл дальше, сожрав весь лес на широкой лесополосе у моря.

Следующие пять лет прибрежная полоса подвергалась сильной эрозии почвы, с моря дул сильный ветер, до земли сгибая тонкие саженцы нового леса, с помощью которого Стрижевский пытался спасти землю. Лес принимался плохо, деревья росли кривые, сопротивляясь напору бурь.

Вдоль берега выросла длинная песчаная коса в несколько километров. Она таила в себе опасность. В одном месте близ поселка, где жил Стрижевский, песчаная отмель то появлялась, то вновь затапливалась набегающими водами залива. Здесь рос мелкий кустарник, а земля местами скрывала ловушки – зыбучие пески.

Маленькой Яне было только четыре. Они с матерью часто гуляли утром на побережье, стараясь не приближаться к опасному месту.

Сегодня они вышли втроем. Яна потянула мать как обычно – собирать ракушки. У нее была уже целая коллекция ракушек разных форм и размеров, но каждый раз, собираясь к морю, она твердила:

– Этого недостаточно.

В очередной раз Стрижевский поднялся с кресла, услышав её слова:

– Я, пожалуй, с вами. Устал немножко. Нужно развеяться.

Маленькая Яночка бежала впереди по песчаной косе, а Стрижевский с Ледой медленно шли следом, разговаривая ни о чём. Заигрывая, балуясь, они наслаждались беззаботным утром.

Пройдя пару километров они остановились и решили присесть на большой валун, выступающий из песка. Девочка увлеченно играла у кромки воды с большими ракушками.

– Янтарёк! Не заходи в воду, ещё прохладно.

– Хоросо, мамотька, – отозвалась она и отступила на шаг назад.

Они долго наблюдали, как ребенок нагребает горку из мокрого песка и водружает сверху ракушку. Ракушка падает, но та упорно ставит её на место.

– Терпенья ей не занимать. Вот уже несколько раз попыталась установить, ракушка падает, но маленькая упрямица не сдается. Вся в тебя! – кокетливо улыбаясь, сказала Леда, положив голову на плечо мужу и рассматривая в лучах утреннего солнца его глубокие морщины.

Стрижевский повалил ее на спину и угрожающе щёлкнул зубами, пытаясь ухватить то за кончик носа, то за мочку. Она уворачивалась и смеялась. Сквозь весёлый прищур она заметила, что Янтарек бежит в заросли ивы, туда, где притаились коварные зыбучие пески….

Она резко встала, практически скинув Стрижевкого на песчаный берег. Он засмеялся ей в укор, но несколько секунд спустя, увидев, два отдаляющихся силуэта, быстро сообразил и побежал следом. Сердце стучало, пот катился в глаза, и мокрое, разгоряченное тело холодно обдувал весенний морской бриз.

Стрижевский быстро приближался, но еще быстрее коварная воронка втягивала в себя маленькое тельце Яны. Леда успела в последний момент ухватить ручку ребенка, крича, словно раненый зверь, но Янтарик медленно уплывал от неё, и тонкие пальчики вырвались из её рук и исчезли.

Когда к Леде подскочил Стрижевский, битва началась заново. Теперь он крепко сжимал руку плачущей, не сопротивляющейся Леды. Вторая воронка разверзлась прямо рядом с первой…и Леда уходила следом.

Рыбаки, услышав крики, с вёслами наперевес побежали к месту трагедии. Они подложили вёсла крест накрест под Стрижевского и попытались выволочь его на твердую поверхность дюны. Он кричал, сопротивлялся, не желая принять суровую реальность.

***

Спустя неделю, не выходя из глубокого запоя, ночью он пропал. Рыбаки говорили, что видели тёмный силуэт мужчины в дюнах. А ещё через неделю уровень воды в заливе поднялся и во время прилива затопил большую часть берега, образуя озеро. Только тонкая глинистая перемычка отделяла озеро от вод залива. Как только воды успокоились, на зеркальную гладь озера села стая белых лебедей.

– Леда и её дочь, видимо, не могут покинуть это место. Они кружат вокруг, заглядывают в заросли ивы, чтобы найти и забрать с собой любимого отца и мужа, – рассказывали люди Сидону, прибывшему по своему обычному делу – прикупить янтаря и выпить кружку медовухи с Борисом Стрижевским. А также объявить о дате отправления Атлантиды….

Глава восьмая. Тартария

Елизавета с большим кланом родственников и попутчиков обосновалась в Зауралье. Этот поход продлился очень долго. Южная Сибирь была ей родным домом. Некогда она жила, училась и работала в Энске. Куда она могла пойти, как не домой, в этом большом и неуютном мире? Скитания опостылели донельзя, и она хотела прочно осесть, чтобы никогда больше не сдвинуться с места. В постоянном движении душа не на месте. Бесконечное путешествие длинною в жизнь – для мечущейся, не успокоенной души, которая не знает своего места и не может найти должного пристанища.

Теперь же Елизавета вернулась домой, и душа её успокоилась отдыхая в тишине и безмятежности. Сафуан много тысяч лет следовал за женой, но, повторяя опыт многих других пар, периодически отклонялся влево. Мужчинам свойственно искать перемен, разнообразия, обновлять и улучшать свою генетику. Елизавета понимала сложившуюся ситуацию и иногда принимала блудного мужа обратно в семью. Двадцать тысяч лет в браке – не всякий такое выдержит. А так всё начиналось сызнова, как в первый раз. Принимала, пока он не ушел через Алтай в Казахстанские степи окончательно. Домой. Он как и все другие стремился домой.

Много людей под предводительством Елизаветы пришли в Сибирь, но их количество всё продолжало расти. Возрастая в числе, разные его части отмежёвываясь, уходили на юго-запад. В долину реки Ишим вслед за Сафуаном ушёл и старший сын.

На северо-восток, туда, где жили селькупы, и куда пока не добрался гнус, ушли двойняшки, рожденные от молодого и дерзкого парня со звучным именем Сагандук. Он упорно добивался её внимания в течении десяти с лишним лет и преуспел. На его счастье Сафуан отсутствовал уже почти пятый десяток годков, и Елизавета, оставаясь женщиной, приняла его настойчивые ухаживания. Сагандук уже почил к тому времени, как его двойняшки Тана и Камлак покинули становище и ушли на север вместе с семьями, покидая свою бессмертную мать. Смешиваясь, они создавали новые кланы и народы там, на севере, распространяясь вплоть до Енисея.

Огромная территория, на которой обосновался род Елизаветы, постепенно начала превращаться в обширное болото. Большая площадь земель западно-сибирской низменности покрылась сеткой рек, ручейков и озер. Огромные тучи гнуса поднимались в воздух с утра и не давали покоя до самой ночи, вольготно чувствуя себя в тяжелой таежной глуши. Влажным мороком испарина покрывала тело летом, и колючим холодом ветер пронизывал его зимой. Поэтому Елизавета отходила всё дальше к югу, приближаясь к предгорьям Саян.

Дочери Елизаветы и Сафуана – Тома и Синеока – ещё некоторое время жили с матерью, в то время как младшие сыновья уже давно покинули родовое гнездо, стремясь к самостоятельности и значимости: Таджин ушёл с отцом и обосновался где-то в Джунгарской долине, взяв себе жену-красавицу из поднебесной. Он застал исход ариев и быстро прибрал к рукам власть в оставленном ими богатом городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.